

«ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?..»

Кадр из фильма «Детский сад»

Иркутскую жительницу Селедкину Анну Андреевну так просто не проймешь. Сердце, испытывшее довоенные и военные лишения, когда похоронки сыпались одна за одной, когда приходилось работать за троих, когда платье с вечера стиралось, а утром гладилось, потому что это было единственное платье, — такое сердце всему откроется, не на все ответится...

Привез Евгений Евтушенко свой фильм «Детский сад» к себе на родину — на станцию Зима и в Иркутск, — и попала

Анна Андреевна в число первых его зрителей. И в темном зале плакала Селедкина навзрыд, и рядом с ней глотали слезы двадцать ее подруг, отнюдь не сентиментальных сибирских женщин, которым Селедкина, штурмующая областные организации, достала двадцать билетов. Я видел этих пожилых женщин и эти слезы.

Я видел и лица зрителей, выходивших из клуба на станции Зима. Это были потрясенные, пришедшие, углубленные в себя люди. И когда Ульяна Федоровна Андрей-

чук, зиминская пенсионерка, тихо сказала мне: «Я снова попала в войну, я все узнала...» — я верил, что она не преувеличивает. «Это — правда», — сказала Ульяна Федоровна заезжим людям, не все в показе военного сибирского быта поверившим.

Фильм — почти автобиографический. Тяжелые октябрьские дни сорок первого года в Москве. Черный дым над учреждениями означает, что в них жгут бумаги. Ополченцы, сугубо гражданские люди и в этой своей непригодности к войне немного нелепые, строгими рядами идут на фронт. Толпы людей с чемоданами штурмуют поезд. Мальчик выпускает из аквариума рыбок в Патриарши пруды. Рыбки не смогут поехать с ним в эвакуацию.

Долгая дорога на по-

ездах из осажденной, посуровевшей Москвы к далекой станции Зима, к бабушке, к миру, а потом жизнь на этой совсем не мирной станции и, наконец, бегство на фронт — таков незамысловатый, но убеждающий этой своей безыскусностью сюжет фильма «Детский сад». По пути мальчика ожидает много приключений и переживаний: бомбежка, встречи с добрыми, но также и с черствыми, глухими к чужим бедам людьми, работа на заводе, голодные скитания, жестокое избиение рыночными торговцами и даже пребывание в воронковской шайке...

И по мере того, как разворачиваются эти события, все больше убеждаешься в одном: режиссер Евгений Евтушенко остался поэтом Евгением Евтушенко. Не говоря уж о том, что в

РЕПОРТАЖ

«ЛГ»

Е. ЕВТУШЕНКО на съемках фильма

фильме немало параллелей с его стихами и звучат его стихи, сам по себе фильм построен по законам эпической поэмы, глубоко метафоричен, насыщен поэтическими образами. В фильме четко ощущаются незаурядные индивидуальности и композитора Глеба Мая, и художника-постановщика Виктора Юшина, и оператора Владимира Папаяна, но все же прежде всего он выражает индивидуальность, творческую личность поэта Евгения Евтушенко.

«Людей неинтересных в мире нет», — писал он когда-то. И вот в фильме перед нами открывается выразительнейшая панорама человеческих лиц, пожалуй, беспрецедентная для нашего кинематографа. Фильм даже не столько о мальчиках, сколько о тех людях, которых он встретил.

Это народ, увиденный глазами ребенка, впервые, может быть, покинувшего семейный квартирный уют и ощутившего жизнь во всей ее сложности и часто неприглядности. Отсюда — людское многолюдье, отсюда — череда характеров, человеческих типов, лиц...

Всего миг на суровом экране светящееся радостью лицо женщины, вбегающей в школьный зал, где дети смотрят боевую кинохронику, и кричащий сыну: «Толян! Толян! Жив твой батянька, жив!» И надо видеть лицо этого Толяна, Толяна по прозвищу Артист, который выхватывает у матери измятый солдатский треугольник, вприпрыжку на сцену и, счастливый, плачущий, пускается в пляс!

Режиссер «Детского сада» взял в фильм не много профессиональных актеров (известный австрийский киноактер К. Брандауэр в роли немецкого офицера, Н. Караченцов в роли вора Шпиля и Л. Марков в роли фальшивого слепца). Но надо видеть игру непрофессионалов! Впрочем, не все из «актеров», с которыми мне пришлось разговаривать, соглашались со словами «игра», «играть». Одна сотрудница зиминской городской газеты, которая в фильме снялась среди женщин, спускающихся с крыльца военкомата с похоронками в руках, объяснила, что во время войны ее мать точно так же по этим же ступеням сходила, взяв ее, девочку, за руку и зажав в руке похоронку на мужа. И вот теперь она жила несколько минут жизнью своей матери. В большой роли бабушки Жени снялась Галина Константиновна

Стаханова, тоже к кино никогда раньше отношения не имевшая. И она тоже говорила мне:

— Я поверила, что Жени — мой внук, что он добрался до меня живой и невредимый, и уже не важно было, работает рядом камера или нет. Я старалась перелить на него всю свою нежность, всю теплоту, которой я окружаю своих собственных детей, старалась отогреть эту не по годам измученную душу.

Есть в фильме эпизоды, словно снятые скрытой камерой. Такова коллективная свадьба, после которой женихи отправлялись на фронт. («О, свадьбы в дни военные! Обманчивый уют...») На свадьбе этой не много говорят, а больше молчат и плачут, плачет до упаду Толян-Артист (у него отнимаются ноги, «но не плясать — нельзя»), а старушки заводят «По диким степям Забайкалья...». И они песню эту поют так пронзительно, с таким трагическим душевным подъемом, что, честное слово, забываешь, что все это происходит на экране.

Я разыскал «актеров», снявшихся в этом эпизоде. Ими оказались иркутский хор ветеранов. Конечно, во время войны они были моложе, но они видели войну и за столами таких свадеб сидели. И пели так, как пели тогда... Разумеется, не запели бы так эти давно уже немолодые люди, отнюдь не профессиональные певцы, посади их в павильон (а это первоначально предполагалось). Их сняли в подлинной избе, за настоящим, покрытым белой скатертью столом, уставленным настоящей — скудной — едой и настоящей питьем.

Была среди этих старушек и Анна Андреевна Селедкина. «Третий голос», — уточнила она.

И вот что рассказала: — Я ведь и сама замуж в войну вышла. Жених мой, правда, на фронте уже побывал, вернулся по ранению. Собрали мы с друзьями свои талоны на водку, поставили на стол картошку, капусту, мороженую бруснику — и закатали пир горой... Это неправда, что в войну люди не пели, не танцевали. Пели. И танцевали. Все было.

А дети, запечатленные в фильме, а их глаза! Этих лишенных тепла, измученных войной детей играли воспитанники детских домов. Обычные пэтзушники сыграли маленьких рабочих, которые, стоя на ящиках, приставленных к станкам, работали для фронта, выполняя вполне взрослые нормы...

— Уже само сочетание этих двух слов — ребенок и война — противостоит естественное, жуткое, — говорит Евгений Евтушенко. — Но дети были на войне, и даже если находились в тылу — это были военные дети. «Стала детским садом им война» — поется в песне, которая звучит в фильме. Война была воспитателем, она обостряла все чувства, восприятие жизни. Ребенок, прошедший через военные лишения, по-особому остро ощущает добро и зло, он знает цену тепла, уюта, но знает и цену лжи, несправедливости... Мне хотелось бы, чтобы в фильме эта мысль прозвучала.

То, что эта мысль прозвучала, я понял, увидев, как встречали фильм его первые зрители — жители далекой сибирской станции Зима. Я не оцениваю картины, но не могу не высказать надежды, что она также отзовется в миллионах сердец, когда выйдет на широкий экран.

«Хотят ли русские войны?..» Фильм Евгения Евтушенко — еще один ответ на этот вопрос.

Андрей МАЛЬГИН, спец. корр. «ЛГ», ст. ЗИМА — ИРКУТСК — АНГАРСК — МОСКВА